

Руслана Медведская

Мама

С момента написания книги Ф.Н. Козырева «Церковь и пол» прошло совсем немного времени, но реалии нашей жизни меняются с такой скоростью, что буквально на глазах складывается ситуация, когда, как мне кажется, церковь не просто примет и оправдает половую составляющую супружеской любви, но станет её главной защитницей. В противном случае не выживет ни семья, ни церковь.

Первое, что бросается в глаза в современной жизни и что не видят только совершенно нечувствительные натуры, – это необъявленная война постмодернистской рыночной цивилизации против пола как такового. Смена пола по желанию, продвижение стиля унисекс в моде и поведении, нумерация родителей, однополые браки, движение чайлдфри, раннее половое образование и воспитание и т.д. – вот очевидные свидетельства глубинных сдвигов в жизни пола. Суть этих поистине апокалиптических сдвигов завуалирована, никем не декларируется открыто и, более того, тщательно замаскирована «заботой о правах личности».

Скрывающийся под маской гуманизма «вирус» имеет целью если не уничтожить под корень, то хотя бы максимально ослабить, охладить энергию, приходящую в мир от взаимодействия мужского и женского начал, – энергию эроса. Мы зовём её любовью. Любовь живет и движет всё на свете. Страстное желание преодолеть разъединённость, разорванность пола реализуется в кратких мигах любви, давая веру в возможность полноты единения в вечности. Эротическая энергия взаимоотношения и взаимодействия мужчины и женщины – единственный источник, дающий начало жизни человека на земле. Так было всегда. Но теперь человечество придумало альтернативу: ЭКО, суррогатное материнство, донорство генетического материала... Всё в высшей степени гуманно, всё в рамках реализации права иметь ребёнка. А что дальше? Искусственный орган для выращивания детей, искусственно созданных из сданного анонимно за деньги биоматериала, с возможностью корректировки в нужном направлении?... Страшновато, не находите?

В этом и проявляется смысл атаки на пол: умаление, вплоть до полного отрицания, самого смысла семьи; не ячейки общества (ячейка может состоять из однополых партнёров), а именно сути супружеской любви, отцовства, материнства, деторождения. Подвергается ревизии сакральное содержание семьи. Зачем это содержание, если людей можно получать научным способом?

Роль отца в семье деформировалась не сегодня и даже не вчера. В западноевропейской традиции состоявшийся отец семейства давно и открыто признаётся обществом и церковью «банкиром» семьи, его дело – обеспечить заданный нормами общества достаток семьи и преемственность семейного бизнеса. В православной традиции отец – это прежде всего духовный кормчий, нравственный идеал, а члены семьи – его домочадцы, т.е. чада, нуждающиеся в духовной опоре, примере, помощи. Ибо **что на Небе, то и на земле**. Эта иерархичность, а вовсе не свод правил типа Домостроя, составляла основу нашего общества, придавала смысл браку и семье.

Встроившись в общемировой процесс глобализации на правах младшего, временно заблуждавшегося, но одумавшегося партнёра, наше общество восприняло формальный и чуждый нашим внутренним душевным ценностям подход к роли отца в семье. Мужчина, не умеющий или не желающий хорошо зарабатывать, по определению становится неудачником. Но высокий и даже сверхвысокий доход тоже не гарантирует мужчине-отцу духовного авторитета в семье, именно в силу наших традиций, коренящихся в народной душе. Получается, что нет у мужчины выбора: он либо неудачник, либо его авторитет зиждется на хрупком и весьма относительном понятии достатка, а не на духовной высоте его личности. Будет ли при таком подходе мужчина-отец ответственен за семью, будет ли опорой и примером? Сомнительно, ведь все силы его будут направлены на поддержание своего статуса и продвижение по лестнице благополучия. Многие, понимая тупиковость такого пути, сознательно избегают создания семьи и рождения детей, ширится движение дауншифтинга. Всё чаще нормой семейной жизни становится отчуждённое существование людей по устраивающим всех правилам, а не по любви. Домочадцы становятся «духовными сиротами» по меткому замечанию Ф.Н. Козырева.

Далее о наболевшем – о трансформации женской природы под натиском вируса постмодернизма и об отношении современного общества к этой чудовищной трансформации.

Излишне, я думаю, напоминать, что почитание женщины-матери имеет в человеческой истории не просто глубочайшие корни, но является тем мощным, грозным, стихийным истоком, питаясь из которого человечество строит свою лестницу в Небо. Смена эпох, гибель цивилизаций, природные катаклизмы и страшные эпидемии не покушались на извечную женскую долю и привилегию – давать жизнь человеку, а значит, человечеству. Теперь с рождением детей в так называемых цивилизованных странах дела обстоят всё хуже и хуже. Выплачиваются пособия, материнский капитал (а в некоторых странах – зарплата за труд быть мамой), создаются всевозможные комиссии, фонды, комитеты по делам материнства и детства и защите их от всего и вся, – ничего не помогает. Потому что рыночный принцип «дашь на дашь»: вы нам рождаете рабочие руки и солдат, а мы вам за это платим, – в этой тонкой сфере не работает вовсе или работает ровно насколько «дашь». Общество считает, что оно даёт достаточно, а женщинам всё кажется мало. Сфера материнства и деторождения стала предметом социального торга, т.е. одной из разновидностей рыночных отношений. Женская тонкая природа это чётко улавливает, в итоге имеем то, что имеем: женщины *не хотят* рожать.

Заметьте, что давно ушёл в прошлое вопрос, от кого рожать и хорошо ли вообще рожать вне брака. Если сегодня женщина захочет стать матерью, её не остановят такие мелочи, она всегда найдёт достойного, по её мнению, мужчину, а матерью-одиночкой перестало быть зазорно с послевоенных времён даже в «сверхправильном» советском обществе. Отчего же современная женщина не стремится стать матерью? Причины тому есть. Обозначу для начала те, что лежат на поверхности. Первая из них – страх. Причём страх не физический. За последнее время очень многое сделано, чтобы облегчить жизнь женщины-матери: достижения медицины, огромный арсенал средств и приспособлений для ухода за ребёнком, доступность хорошего питания и одежды – всё призвано служить счастьем материнства. Страх кроется в том, что, став матерью, женщина выпадает из профессии; и не факт, учитывая темпы прогресса, что она туда сможет вернуться. Да и весьма прохладное отношение работодателей к молодым мамам, диктуемое рынком (работать надо, а не сидеть на больничных), общеизвестно. Кроме того, семья, позволившая себе родить ребёнка, автоматически очень ощутимо снижает свой уровень достатка и ограничивает на некоторое время свободу отдыха, путешествий, развлечений, что вырывает молодых родителей из привычного круга общения.

Если первая причина – страх – выглядит кнутом, то вторая – очень похожа на пряник, правда, с горькой начинкой. Состоит она в том, на всеобщий взгляд,

радостном факте, что современная женщина имеет все шансы состояться в карьере наравне с мужчиной. Такое равенство возможностей преподносится как *безусловное благо*, достижение «всего прогрессивного человечества» и, прежде всего, самих женщин, обретших желанную свободу в феминистской борьбе. Я отнюдь не сторонница известного принципа «киндер, кюхе, кирхе», я сама работающая женщина. Отрицать благотворное влияние женщин на те сферы человеческой жизни, где они обрели *свой* голос и *своё* место, – полная бессмыслица. Мужчины конкурируют, а женщины *договариваются* – в жёсткое и непримиримое вносится нота компромиссности и человечности. Правда, до той поры, пока сама женщина остаётся носителем этих свойств, а не превращается в гонимую по карьерной лестнице в «карикатуру на мужчину», по точному выражению Бердяева.

Самое время вспомнить про горькую начинку в прянике равноправия. На самом деле, по моему глубокому убеждению, эта «начинка» и является главной причиной, причиной всех видимых причин: это умаление, свёртывание живого женского начала в современном мире. Последствие – отказ женщин от божественного предназначения быть матерью. Простым и до боли знакомым приёмом ложных альтернатив женщина ставится перед выбором либо родить ребёнка, либо стать «состоявшейся личностью». Тысячелетний культ женщины-матери уходит в прошлое вместе с другими традиционными человеческими ценностями. Это ужасно.

Не было в истории человечества периода, начиная с первобытных времён и заканчивая советской попыткой построить рай на земле, когда бы людьми не сакрализировалось само слово «**мать**». Пережитком дремучей старины звучит сегодня «**Мать-земля**». Какая мать? Скорее, кладовка или опытная станция. «**Родина-мать**» вызывает у большинства в памяти плакат времён Великой Отечественной войны из истории прошлого века. Сейчас нет Родины-матери – есть место рождения и проживания. Остался последний оплот Неба на земле – **мать человеческая**. Станет мать «родителем №» или донором яйцеклеток – и люди превратятся в биороботов.

Испокон веков женщина была средоточием Красоты и Тайны мира. Красота – это Венера. Тайна – это Мадонна. В земной женщине обе живут нераздельно. Посмотрите, что делает «фельетонная эпоха» с этими женскими ипостасями: Венера всё более возвышается и восхваляется, Мадонна обмирщается и отдаётся быту. Красота, вечная молодость превратились в Идола современности, огромные средства и силы бросаются на алтарь этого

ненасытного дракона. Вечное цветение, вечная манкость, вечное обольщение изнывающих в томлении мужчин – рекламный идеал современной женственности. Цветок, манящий пчелу красотой, но обманывающий и истощающий силы, потому что искусственное не способно плодоносить. Рекламная индустрия и массмедиа исковеркали образ Венеры, превратив богиню, достойную поклонения, восхищения и любви, в предмет вожделения или, того хуже, в красивую приманку для продажи чего угодно кому угодно. Женская красота на службе у рынка – товар или броская этикетка. Что может быть печальней? Так Красота превращается в ширпотреб, а Богиня становится торговкой-обманщицей.

Но самое чудовищное покушение силами зла совершается на образ Мадонны, в православной традиции Богородицы. С рождением ребёнка по-настоящему рождается женщина. Венера потупляет взгляд и отходит в тень, красота земная и преходящая перерождается в красоту Вечную и Вселенскую. В мире рождается и дитя, и Мать; женская душа причащается главной тайне нашего мира – жертве Христа за людей. Оттого взгляд будущей матери так отрешён, направлен куда-то вглубь себя, оттого улыбка её загадочна и неуловима, как будто она обладает тайными неземными сокровищами. Когда я сама впервые была в подобном положении, мне открылась (ни много ни мало) загадка улыбки Моны Лизы. Когда Леонардо писал её портрет, она уже была не одна. И не важно, знал ли кто-то из окружающих её тайну. Она точно знала.

Образ матери с младенцем на руках, будь то полустёршийся от времени лик Богородицы на семейном складне или Сикстинская мадонна, производит на душу человека одинаково глубокое и неподдающееся описанию воздействие. Божья мать смягчает самые злые сердца, утешает самые горькие обиды, обещает прощение за то, что не в силах простить человеческое сердце. В самом имени Богородицы соединяются Небо и земля, Бог-отец и родовые, кровавые, горячие силы, творящие тела людей. Богородица в православии почитается как за всех заступница, обо всех радетьельница. Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» рассказ Ивана о затравленном собаками крепостном мальчике заканчивает тем, что самодур-помещик, убивший невинного ребёнка (Христа), был «взят в опеку», т.е. под опеку Богородицы, в её молитвы. По мысли Достоевского все мы, вольно или невольно, ежедневно и ежечасно «травим собаками» своих ближних и дальних. Только непрестанная молитва о нашем прощении Пресвятой Богородицы не даёт человечеству пропасть во зло. Она, видевшая своего сына, живого Бога, распятого людьми на кресте, может просить Бога о милости и прощении нам, предателям и убийцам.

На православных иконах «Снятие со креста» Богоматерь одна из всех стоит, не согнувшись от ужаса свершившегося, держа на своих материнских плечах небо, готовое обрушиться на головы людей. Бога нет, его убили, но у мира есть шанс выстоять до Воскресения, пока держит его небо на своих плечах Богородица. Простить за смерть может только Та, что дала жизнь; и это есть небесное милосердие и недоступная человеческому сердцу любовь.

Дерзну утверждать, что женщина одновременно с зарождением в её теле новой жизни ощущает в сердце своём рождение образа Богородицы и получает в дар от Неё силу, стойкость, милосердие и главный из даров – чувство своей избранности, незаменимости, долженствования. Одновременно с даром Небес в сердце матери вонзается иглой боль и тревога: Богородица отдала Христа за спасение человечества, значит, не минует эта чаша каждую женщину, осмелившуюся привести своё дитя в этот мир. Матерь человеческая – это особое призвание, «путь зерна» (символ из стихотворения Ходасевича), самоотречение и жертвенность (мы, как правило, не помним имена матерей даже самых гениальных людей).

Современный мир соблазняет женщину лёгкостью жизни без небесных даров и земной боли, отречением от образа Богородицы в сердце. Как хитрый рекламщик, исчерпав стандартные ходы, прибегает к воздействию на подсознание потребителя, так вечный враг человечества всеми силами пытается изменить женскую природу, гипертрофируя значимость Венеры за счет унижения Мадонны.

Сейчас мы проживаем страшные времена, когда «Бог умер» (по выражению Ницше), времена между Распятием и Воскресением, когда единственной опорой человечества остаётся Богородица. Её молитвами и заступничеством грешные души будут вырваны из власти зла для Воскресения. Оплотом Богородицы на земле остаётся женщина-мать. Чем больше женщин будут честно и достойно нести земное бремя материнства, тем больше сил будет у Богоматери, тем горячее её молитва о нас.

Апрель 2017